

Гетерогенный культурно-исторический Запад: Испано-Католическая цивилизация; Испанская Америка; Китай и Испанская, первая в мире, глобализация

Мириам ФЕРНАНДЕЗ КАЛЬСАДА¹

Heterogeneous cultural-historical West: Spanish-Catholic civilization; Spanish America; China and the Spanish, the world's first, globalization

Miriam FERNÁNDEZ CALZADA

Резюме. В статье выдвигается идея о существовании более ранней разновидности цивилизационного Запада, основанного на Испано-Католическом мировоззрении (космологии); которое несмотря на свои недостатки и исторические ошибки: но оно существенно содержит основания и цели, позволяющие создавать как интегрирующее (интегралистское мирное) мировидение, так и организовать благодетельный тип Западного мирного мироустройства, радикально отличный от того, что доминирует на сегодняшний день. Однако, Испано-Католический цивилизационный опыт стал далее в истории предметом многовековой жесткой испанофобии; т.е. яростной антииспанской пропаганды, приведшей к современному деформированному восприятию реальных исторических процессов.

Ключевые слова: Запад, «испанидад», испанофобия, глобализация, интегралистское мировоззрение.

Abstract. Summary. The article puts forward the idea of the existence of an earlier kind of civilizational West, based on the Spanish-Catholic worldview (cosmology); which despite its flaws and historical errors: but it essentially contains the foundations and goals to create both an integrative (integralist peaceful) worldview, and to organize a beneficent type of Western peaceful world order, radically different from what is dominant today. However, the Spanish-Catholic civilizational experience became further in history the subject of centuries-long severe Hispanophobia; i.e. fierce anti-Hispanic propaganda, which led to the modern deformed perception of real historical processes.

Keywords: West, “Hispanidad”, Hispanophobia, globalization, integralist worldview.

---

¹ Вальядолидский университет, Институт «Арка Реал», Вальядолид, ИСПАНИЯ.

Contents

Introduction : the historical phenomenon of the Spanish-Catholic civilization

1. Catholicism versus Protestantism as the fundamental basis of civilization
2. “Hispanidad” as the first, world-globalizing civilization of the West.
3. The thematic cores of the black legend and its true basis
4. The birth of international law and the prelude to human rights.
5. China and the Spanish, the world’s first, globalization
6. The cultural dimension of the first globalization.

Concluding reflections

Содержание

Введение : исторический феномен Испано-Католической цивилизации

1. Католицизм versus протестантизм как фундаментальная основа цивилизации
2. «Испанидад» как первая, глобализирующая мир цивилизация Запада.
3. Тематические ядра черной легенды и ее истинная основа
4. Рождение международного права и прелюдия к правам человека.
5. Китай и Испанская, первая в мире, глобализация
6. Культурное измерение первой глобализации.

Заключительные размышления

Введение: исторический феномен Испано-Католической цивилизации

*Биокосмологическая Инициатива*² – это призыв к международному академическому и научному сообществу сотрудничать в развертывании органического мировоззрения для мирного сосуществования в ноосфере. Такое мировоззрение подразумевает возвращение к Аристотелю и к его миропониманию, источником вдохновения и основополагающей моделью которого является организм.

Данная статья, вдохновленная идеями Биокосмологии, ставит своей целью предложить краткое и сжатое историческое описание, которое, следует сказать с самого начала, потребует

---

² См.: https://biocosmology.org/?page_id=2171.

дальнейших и более глубоких исследований. Один из тезисов, лежащих в основе этой статьи и изложенных уже в статье «Россия и мир-реасе»³, заключается в утверждении, что мировоззрение, доминирующее сегодня на Западе – на самом деле выражает доминирование англосаксонского протестантского мировоззрения.

Современный Запад, сформированный англосаксонским протестантским миром – этот Запад не терпит никаких альтернатив; и поэтому вытесняет любую альтернативную космологию. Западное мировоззрение доминирует в настоящее время не только в науке, но и во всех сферах человеческой деятельности, сдерживая развитие потенциалов, заложенного в других цивилизациях. Надо сказать, что англосаксонский протестантский Запад сумел блестяще и успешно раскрыть весь свой потенциал; но оказался способным править миром исключительно в состоянии его (мира) однородности (гомогенности) – поэтому категорически изгнал и устранил любые другие альтернативы. Недостаточное развитие альтернативного мировоззрения, такого как русско-православный, создало ситуацию мирового *дисбаланса*.

Современный Запад действует и мыслит в рамках вселенной фукуямовской парадигмы «конца истории», в парадигме либерализма или неолиберализма, возведенного в парадигму единственно универсальной и глобальной, «всеобщей» и «глобальной цивилизации». Это понимание противоположно русскому пониманию плюрального мира со множеством цивилизаций (как существенных субъектов для мирового развития); которые русский ученый Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) называл социокультурными типами⁴.

Ситуация дисбаланса усугубилась после распада СССР и окончания холодной войны. Не найдя собственного варианта космологии, способной выступить в качестве противовеса и устранить возникший *дисбаланс*⁵ – Запад неотвратимо вошел в состояние гиперактивности, которое далее переросло в патологическое агрессивное поведение на международной арене. Таким образом, в интересах глобализации мира, в последние столетия историческое движение Запада

---

³ Гринченко С.Н., Орлов А.И., Хруцкий К.С.: Россия и мир (реасе) – перед Органицистским вызовом в преодолении текущего глобального кризиса (системный генезис, наукометрические и (Био)космологические аспекты); в год 200-летия со дня рождения Н.Я. Данилевского // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 12, Nos. 1&2 (Winter/Spring 2022); сс. 37–261.

⁴ См. его главный труд: Данилевский Н.Я. *Россия и Европа* / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е. – М., 2011. – 816 с.

⁵ И что, учитывая сущностный характер англосаксонского-протестантского мировоззрения-космологии, как следует признать – является принципиально невозможным, в силу этой Трансценденталистской сущности.

сформировало и навязало миру базовое мировоззрение, принадлежащее исключительно англосаксонскому протестантскому культурному типу⁶.

Социальный идеал Запада – это платоническая республика, стратифицированное общество, управляемое элитой, которая под защитой своих государственных стражей направляет и контролирует тех, кто находится в низшем слое; и здесь занят производством и изготовлением товаров, и должен ограничиваться повиновением. В свою очередь, элита и её представители, кто принимает решения и устанавливает правила: эта элита (которая следует космологическим принципам Платона) – она считает себя единственными (‘избранными Демиургом’) субъектами, кто способен это делать; и поэтому напрямую пытается навязать свой проект среде (без каких-либо альтернатив). Иначе говоря, данный тип элиты принимает решения и непосредственно создает (навязывает всем остальным) безальтернативную реальность; и которая, после произведенного ‘акта творения’ не может быть иной, кроме как аморфной и инертной, чистой неодушевленной материей, неспособной к какой-либо собственной инициативе.

В этом свете, современная ‘западная’ тенденция не может вызывать удивления (поскольку противной и не может быть, по определению) – превратить человека в послушного биоробота с ограничением его природных возможностей, превратить самый совершенный продукт эволюции жизни на планете в податливое и легко управляемое существо. Здесь также прослеживается тенденция к гомогенизации наций, регионов и культур, к дезинтеграции стран, чтобы превратить их в податливый материал для своего плана по навязыванию нового мирового порядка.

Возможно, единственным способом восстановить гомеостатическое (точнее, гомеодинамическое) равновесие на планете служит спонтанное (естественное) возникновение, т.е. выдвижение и разработка гениями культуры (научного сообщества) альтернативных космологий (но что нередко соотносится с мудростью: *‘новое – это хорошо забытое старое’*). Именно подобные действенные всеобъемлющие ‘космологии’ оказываются способными объединять на общее дело, не умаляя сил и актуальностей существующих различий и оппозиций – а в результате гармонизировать и уравнивать силы, и приводить к конструктивному разрешению конфликтов. В этом отношении, Органицистское динамическое

---

⁶ Кстати, Н.Я. Данилевский, в своем научном труде *«Россия и Европа»* (1861): ученый здесь не выделяет отдельно англосаксонского-протестантского культурно-исторического типа; но что, в свете выше сказанного – имеет чрезвычайное значение для существующих в настоящем мировых цивилизационных процессов.

мировоззрение, предлагаемое в Биокосмологии, может оказаться полезным: ведь оно устанавливает, что человечество состоит из множества субъектов-цивилизаций, а те обладают рядом потенциальных возможностей; и которые, в случае их высвобождения – оказываются способными раскрыть свои потенциалы и актуализироваться, чтобы уже энергично преследовать и достигать свои цели-результаты (τέλος, в аристотелевской терминологии); и что, в свою очередь, как раз приводит к разрешению проблем и кризисов, т.е. росту благополучия всего человечества.

Как раз в этом свете и возникает основополагающий тезис этой статьи: прежде чем нам приступать к раскрытию и изучению потенциалов, заключаемых в альтернативных космологиях; и которые выстраиваются на принципиально отличных началах, чем фундаментальные основы, заложенные в англосаксонское-протестантское мировоззрение – нам прежде всего требуется произвести переосмысление того, что именно представляет собой Запад. Главный тезис состоит в том, что в реальности существует независимый цивилизационный (культурно-исторический) тип Запада, который предшествовал ныне доминирующему англосаксонскому-протестантскому Типу – и это испано-католическая цивилизация.

Кто-то станет утверждать, что эта (Испано-Католическая) цивилизация и мировоззрение уже принадлежат историческому прошлому (и о нем следует забыть); однако наша позиция является прямо противоположной – данное историческое наследие нисколько не потеряло в своей актуальности; более того, сегодня оно как никогда является востребованным, поскольку несет в себе космологические основания и цели, которые являются существенными для создания искомых *интегралистских* (интегрирующих-объединяющих субъектов) мирных альтернатив – в деле организации благотельного сосуществования народов всего мира.

Ниже мы попытаемся обозначить существенные свойства первоначального (Испанско-Католического) культурно-исторического типа; и что представляет действенную альтернативу цивилизационному Западу сегодня – рассчитывающему исключительно на средства военного (а также в других сферах) подавления и подчинения оппонирующих субъектов (в ходе инициируемого военного конфликта и противостояния), в деле разрешения вопросов мирового социокультурного развития. Последнее выглядит абсолютно нелепым и парадоксальным (для разумного человечества) – т.е. путь через обязательные ‘мировые войны’, для разрешения сложных вопросов развития; как и возникает впечатление полной абсурдности и невероятности для планетарного человечества, обладающего столь богатой историей и великими культурными свершениями, в т.ч. значимыми достижениями в сферах научно-

технологического и общественного развития. Тем не менее, и что являет яркое подтверждение выше сказанному: великие достижения Испано-Католической цивилизации, но что происходит уже на протяжении столетий – все они подвергаются всяческому удалению (из памяти мировой культурной истории), а также искажению, дискредитации и замалчиванию доминирующим западным видением (сегодняшними СМИ и общественными институтами) действительной истории Западного мира.

Первый вопрос, вместе с тем, который необходимо рассмотреть – касается соотношения католического и протестантского влияния на современное мировоззрение. Здесь следует уточнить, что когда мы говорим о католицизме и протестантизме: мы говорим не в конфессиональном смысле, а в том смысле, что религиозные верования участвуют в формировании космологических оснований историко-культурного типа, выступая одним из основных столпов цивилизации; что и объясняет Данилевский в своей теории культурно-исторических типов (цивилизаций).

1. Католицизм versus протестантизм как фундаментальная основа цивилизации

Христианство на европейском континенте распалось дважды. Первым был Великий раскол 1054 года, который разделил христианство на католическую церковь на Западе и православную церковь на Востоке. Протестантская Реформация, начавшаяся в XVI веке, расколола христианский Запад на две части – протестантский север и католический юг. Главными реформаторами были, как известно, Мартин Лютер и Джон Кальвин.

Очевидно, что невозможно вдаваться в теологический анализ того, что лежит в основе этих расколов, что также увело бы нас от цели данного исследования, но мы можем указать на некоторые элементы, которые впоследствии привели к формированию определенного способа существования в мире.

Взгляд Лютера на человека кардинально изменил католическую христианскую антропологию. Для Лютера человек по самой своей природе – существо порочное, не способное преодолеть искушение. У него нет свободы воли, и разум бессилён в достижении спасения. Только вера и индивидуальное чтение и толкование Писания могут спасти человека. Индивидуальное чтение, поскольку роль какого-либо церковного авторитета в толковании священных текстов также отвергается.

Из этих высказываний можно сделать вывод, что действия человека в этом мире не могут напрямую способствовать спасению или проклятию, поскольку, исходя из человеческой воли, в них преобладает материальная жажда. Спасение зависит от милости Бога, который дарует это спасение немногим и по непостижимым для нас критериям. Идея о том, что все зависит от воли Бога, навеяна философией Уильяма Оккама и номинализмом, особенно волюнтаристской этикой британского мыслителя.

Кальвин, идя еще дальше, заменяет идею спасения по вере идеей предопределения. Бог уже выбрал, кто будет спасен, а кто нет, в соответствии с критериями, которые также непостижимы для нас, хотя есть определенные признаки, которые могут указывать на то, что человек предопределен к спасению.

На связь между протестантизмом и западным капитализмом еще в 1905 году указал немецкий социолог Макс Вебер в своей работе *Протестантская этика и дух капитализма* (нем. *Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus*). Характерное для Запада представление о трудовой этике и человеческой деятельности, которое можно охарактеризовать как капиталистический дух, развивается под решающим влиянием протестантской ветви кальвинизма. В частности, именно идея предопределения и разделения на избранных и проклятых в конечном итоге приведет к рационализму мирового господства и определенному менталитету экономического роста и технического развития.

Как указывает сам Вебер в этой работе, дело не в мысли Кальвина как таковой, а в том, как его идеи будут интерпретироваться определенными кальвинистскими общинами, начиная с XVII века, пиеристами, пуританскими и методистами. То есть в менталитете, сложившемся в XVI и XVII веках, когда протестантский север сменил и вытеснил католический юг⁷. В пуританском идеале XVII века всемогущий и всезнающий Бог знает, кто будет спасен, а кто проклят. Мы не можем знать, предопределены мы или нет, но мы можем свести к минимуму признаки, которые определяют нас как предопределенных к проклятию, усердно работая, экономя, накапливая заработок.

Как отмечает Фанфани в своем классическом исследовании, до появления этого духа человек регулирует свою экономическую жизнь в соответствии с критериями, которые являются не только экономическими, но и моральными, поскольку идея богатства и цели, которые

---

⁷ Gil Villegas, F (2011): “Introducción general a los “Ensayos sobre sociología de la religión (1920)” en Weber, M.: *La ética protestante y el espíritu del capitalismo*, México, FCE, 2011, p. 26.

преследуются с его помощью, также определяют выбор и законность средств для его достижения⁸.

Капиталистический дух, связанный с протестантизмом, привел к индивидуалистическому и утилитарному использованию богатства и неограниченному его приобретению, и в экономическую жизнь была введена новая концепция рациональности, которая больше не определялась никакими внеэкономическими критериями. Потому что экономический успех в итоге понимается как знак предопределения по отношению к тем, кто ничем не владеет. Неизбранные уже осуждены, для них ничего нельзя сделать, потому что это не зависит от человеческих действий, между человеком и Богом невозможно сотрудничество.

Сэмюэл Хантингтон, знаменитый автор книги *Столкновение цивилизаций*, в своей книге «Кто мы?» (англ. *Who are We? The Challenges to America's National Identity*) утверждает, что англосаксонская протестантская культура – центральный элемент американской идентичности и то, что отличает ее от других народов. По его собственным словам, «Соединенные Штаты – это общество, основанное и созданное поселенцами XVII и XVIII веков, которые были исключительно белыми, британцами и протестантами. Их ценности, их институты и их культура заложили основы и определили развитие США»⁹, хотя позже он сам признает, что определяющим элементом является скорее религиозный, чем этнический, поскольку с конца XIX века в США проживали немцы, ирландцы и скандинавы.

США не стала протестантской, она родилась протестантской¹⁰. Американский протестантизм отличается от европейского потому что в XVII и XVIII веках американцы определяли свое предназначение в Новом Свете, используя библейские термины избранного народа с миссией на Земле. Более того, на протяжении более 200 лет американцы определяли свою идентичность в противовес католицизму. Протестантизм – это протест и неприятие католицизма, и что берет свое начало в борьбе протестантской Реформации XVI века. Но в США католицизм сблизился с протестантизмом настолько, что католические прелаты повторяют идеи евангелических протестантов о миссии и божественной легитимности США в мире¹¹.

Если заглянуть в историю, то реакцией католиков на протестантизм стал Трентский собор (1545-1563). После этого собора католические богословы попытались защитить христианскую

⁸ Fanfani, Amintore (1953): *Catolicismo y protestantismo en la génesis del capitalismo*, Rialp, Madrid, p. 52.

⁹ Huntington, S (2004): *¿Quiénes somos? Los desafíos a la identidad nacional estadounidense*, Paidós, México, с. 20.

¹⁰ Там же, с. 87.

¹¹ Там же, с. 124.

доктрину рациональными аргументами, но при этом заблокировать свободное и индивидуальное рассмотрение этой доктрины. Надо сказать, что в этом отношении Собор допустил эксцесс: абсолютное подчинение авторитету. В XVI веке в Испании группа теологов, последователей Фомы Аквинского и объединенных в так называемую Саламанкскую школу, попыталась разработать альтернативу платонистско-августинской теологии, которая доминировала в протестантизме (Лютер сам был августинцем).

По своим фундаментальным принципам общество, построенное на католических принципах, отличается от протестантского, поскольку католицизм настаивает на идее, что Христос пришел не для того, чтобы спасти одних в противовес другим, а для того, чтобы спасти *всех в равной степени*. Все люди равны без исключения и спасаются своими делами, своими поступками в этом мире. Это так, потому что они обладают свободной волей и наделены разумом. Именно эта рациональная природа делает их богоподобными, обладателями и ответственными за свои поступки.

Как отмечает Фанфани, католическая концепция человека берет начало от Фомы Аквинского, который ввел концептуальные принципы Аристотеля в католицизм. Для католика практическая жизнь не разделена на отдельные сферы. Идея человека как существа, стремящегося к вечной награде, пронизывает все. Человек также свободен, и все его действия подлежат оценке. Беспристрастных поступков не бывает. Необходимость достижения этой конечной цели пронизывает всю человеческую деятельность, как политическую, так и экономическую. Богатство не подлежит осуждению, но оно является средством, а не самоцелью¹².

В принципе, католическое общество не приемлет крайнего индивидуализма, равно как и того, что общество должно быть организовано по индивидуалистическим принципам. Протестантизм утверждал, что между земными поступками и вечной наградой не существует связи. Спасение зависит от божественного предопределения, согласно Кальвину, и веры, согласно Лютеру, а не от поступков или дел. Это заставляло людей действовать, руководствуясь чисто экономическими критериями. Католицизм пытался ограничить эти импульсы, чтобы не нарушить идеальный план гармонии между различными сферами жизни¹³.

С другой точки зрения и приближаясь к интересующей нас теме, выбор аристотелевско-томистского мировоззрения в противовес платоновско-августинскому в протестантизме обозначил существенные различия между действиями испанцев и англичан в Америке, и эти

¹² Fanfani, A: *Catolicismo y protestantismo en la génesis del capitalismo*, цит. соч., с. 175.

¹³ Там же, с. 276.

действия свидетельствуют о разнице между этими двумя версиями Запада, первой и нынешней. Сравнительное исследование этого вопроса выходит за рамки данной статьи, хотя мы укажем на некоторые наиболее важные моменты.

Как неоднократно говорил аргентинский политолог Марчелло Гулло, Испания привезла в Америку истинный Запад, в то время как англосаксонско-протестантский мир создал ложный Запад. В Америке из симбиоза испано-католического Запада и коренного населения возник дальний Запад; так же, как и дальний Восток. Этот Дальний Запад представляет собой слияние и симбиоз испанского, коренного американского и африканского народов¹⁴.

1. «Испанидад» как первая, глобализирующая мир цивилизация Запада.

Первая версия Запада связана с идеей «Испанидад», то есть потенциального объединения всех носителей испанского языка, сообщества, насчитывающего более 495 миллионов человек с одним родным языком, которые сегодня проживают на территории 21 страны. Испанидад означает общий характер народов испаноязычного языка и культуры, то есть тех, кто принадлежит или связан с Испанией и испаноязычными странами и культурами.

Впервые это понятие было введено испанским философом Мигелем де Унамуно в 1909 году в смысле испаноязычного сообщества и чувства связанности, которое невозможно охарактеризовать однозначными определениями. Для Унамуно определяющим элементом является язык, который также является способом мышления, общим способом чувствовать и быть в мире.

Исторические истоки этой культурной традиции, характерной для всех современных испаноязычных народов, в том числе и для Испании, восходят к 1492 году, когда экспедиция Христофора Колумба столкнулась с землями, которые впоследствии будут названы Америкой. Эти земли были населены народами, доселе совершенно неизвестными европейцам, и эта встреча двух миров и связанные с ней обстоятельства стали источником напряженных и глубоких споров среди самых выдающихся умов Испании XVI века.

Открытие Америки поставило Испанию в очень привилегированное положение по сравнению с другими европейскими королевствами. Благодаря усилиям католических монархов, Изабеллы I и Фердинанда II, и после семи веков борьбы с мусульманским нашествием, Испания стала единым королевством, а ко времени правления их внука, Карла V, превратилась

---

¹⁴ Марсело Гулло неоднократно писал на эту тему, которую он также высказывал в многочисленных интервью. См. библиографию.

в великую империю. Вновь открытые земли значительно увеличили владения империи. На основе этого исторического факта была создана искаженная версия тех лет, в основном англичанами, французами и голландцами, получившая название «Черная легенда», которую шведский историк Сверкер Арнольдсон еще в 1960 году назвал «величайшей коллективной галлюцинацией Запада»¹⁵.

То, что называют черной легендой, – не что иное, как форма негативной пропаганды против истории Испании, направленной на подрыв испанской идентичности, создание и поддержание разобщенности среди всех тех, кто разделяет общую почву, которую мы называем Испанидад. Это форма пропаганды, созданная в то время, когда Испания была гегемонистской державой в мире. В этом смысле *черная легенда* – не что иное, как испанофобия, фобия, порожденная в то время любой цивилизацией, которая представляет собой реальную альтернативу другим и которая неизбежно вызывает подозрения и ненависть. Сегодня мы живем в эпоху пышного разгула подобной пропаганды, на этот раз направленной против России. Однако есть историки, которые утверждают, что у анти-испанской «черной легенды» есть черты, отличающие ее от других фобий: ее неизменность во времени, и тот факт, что сами испанцы и испаноговорящие настолько усвоили пропаганду своей истории, что стали ее главными защитниками.

Испанская *черная легенда*, или испанофобия, имеет два основных тематических стержня:

1. Действия Испании в Америке: и что не только предполагается, но и активно насаждается (следуя черной легенде) – нам сегодня насаждается, что действия Испании в Америке являли собой преднамеренное уничтожение местных культур, таким образом реализуя беспрецедентный геноцид. Также сознание современного человека последовательно и неуклонно обрабатывается в плане восприятия процессов Испанской глобализации мира как проявлений непрерывного воровства и грабежа, вкупе с неограниченной эксплуатацией всех богатств Америки – что и делает Испанию в конечном итоге ответственной за все проблемы, которые переживают или могут пережить латиноамериканские страны сегодня; несмотря на то, что они добились независимости более 200 лет назад.

---

¹⁵ Работа Арнольдсона получила множество изданий в Испании и озаглавлена *Los orígenes de la Leyenda Negra española* («Истоки испанской черной легенды»).

2. Нетолерантность и религиозный фанатизм испанского католицизма, который нашел свое максимальное выражение в испанской инквизиции и жестокость которого до сих пор не преодолена.

Разъяснение этих двух тем потребовало бы гораздо больше места, чем статья, но некоторые пояснения необходимы ввиду исторических документов, свидетельств, археологических находок, антропологических исследований и других материалов, которые проливают на них более нейтральный свет. В данном случае мы остановимся лишь на первом из этих аспектов, поскольку он размывает представление о том, что существует и другой, не только англосаксонский Запад. Тема же инквизиции и религиозного фанатизма уводит нас в сторону от цели данной статьи.

2. Тематические ядра черной легенды и ее истинная основа.

Говоря об Америке изначально, стоит прояснить первый и самый простой вопрос: геноцид. Дело в том, что точное количество жителей американского континента до прихода испанцев определить сложно. Цифры весьма политизированы и варьируются от 13 до 60 миллионов. Более вероятно, что, согласно археологическим данным и останкам, их было от 13 до 20 миллионов. В любом случае, верно, что в первые годы испанского присутствия на американском континенте умерло очень большое количество населения, в некоторых районах почти 90 %. Однако из многочисленных хроник и свидетельств, написанных испанцами, а также из документов того времени известно, что основной причиной этих смертей было не преднамеренное истребление, а болезни, которые испанцы принесли с собой и против которых у населения еще не было развитой иммунной системы.

Как отмечает Энквист, можно датировать появление самых разрушительных болезней на американском континенте: второе путешествие Колумба в 1493 году принесло грипп. В 1502 году экспедиция Франсиско де Овандо привезла в Санто-Доминго корь, которая также будет сеять хаос в других частях вице-королевства Новая Испания, начиная с 1531 года. В 1519 году с экспедицией прибыла оспа. В июне 1526 года крысы и вши распространили тиф. Нет нужды говорить, что медицина XVI века еще не обладала достаточными научными знаниями об эпидемиях и их передаче – чтобы квалифицировать распространение этих эпидемий как преднамеренную и сознательную акцию испанцев по опустошению американских земель¹⁶. Конечно, в процессе завоевания испанцы истребляли индейцев, но это не было главной

¹⁶ Enkvist, I., Ribes Iborra, V.: *La conquista de América. España y el Nuevo Mundo (1492-1580)* p. 82–84.

причиной. Многие испанцы также умирали от американских болезней, от которых у них не было защиты.

В связи с эпидемиями, которые испанцы завезли в Америку, и в качестве примера того, как работает пропаганда, которая увеличивает, когда не придумывает негатив, и скрывает или замалчивает позитив, есть факт, который обычно не упоминается. В 1798 году английский врач Эдвард Дженнер открыл вакцину от оспы. Пять лет спустя, в ноябре 1803 года, король Испании Карл IV начал филантропическую королевскую экспедицию, известную как «Экспедиция Бальмиса», – первую в истории массовую кампанию по вакцинации, в ходе которой вакцина от оспы была завезена на всю испанскую территорию в Америке и Азии. Экспедиция, возглавляемая испанским врачом Хавьером Бальмисом при помощи другого врача Хосе Сальвани и медсестры Изабель Зендаль, совершила технический подвиг: сохранила активность вакцины во время трансокеанских путешествий с помощью средств, доступных в начале XIX века. Помимо медицинского подвига, это была первая в истории гуманитарная миссия и первая всемирная кампания массовой вакцинации.

На первом этапе в течение трех лет вакцина была доставлена в Пуэрто-Рико, Кубу и Мексику. На втором этапе экспедиция разделилась на две группы: одна доставила вакцину на Филиппины, в Макао и Кантон, другая – в Венесуэлу, Колумбию, Боливию, Перу и Чили через Анды. В 1806 году Дженнер, создатель вакцины, сказал об этой экспедиции: «Я не могу представить, что в анналах истории есть пример столь благородной и обширной филантропии, как эта».

Разительный контрастный пример – это сознательная раздача зараженных оспой одеял англичанами в Северной Америке в XVIII веке, когда эпидемиология болезни (оспы) уже была хорошо изученной. Ужасающим выразителем идеи использования болезни для покорения туземных народов стал сэр Джеффри Амхертс (1719–1787), который предложил своим подчиненным послать зараженные оспой одеяла туземцам, чтобы распространить болезнь среди осаждавших форт Питт в 1764 году. Другие преемники Амхертса, такие как капитан Уильям Трент и генерал Томас Гейдж, подписали документы, подтверждающие, что они были в курсе этого дела, которое не пытались предотвратить¹⁷.

В заключение вопроса о геноциде следует отметить, что согласно исследованиям, которые немецкий натуралист и исследователь Александр фон Гумбольдт провел в Америке после

---

¹⁷ Об этом историческом факте Cappel, C: *The Smallpox Genocide of the Odawa Tribe at L'Arbre Croche, 1763: The History of a Native American People*, Edwin Meller, 2007.

пятилетнего пребывания в период с 1799 по 1804 год, в Испанской Америке проживало 150.000 испанцев (выходцев из Европы) и 3 миллиона креолов (детей европейцев, родившихся в Америке), 7,5 миллионов коренных жителей к которым следует добавить 5 миллионов метисов, что в общей сложности составляет 13 миллионов жителей, то есть 80 % населения всей Испанской Америки того времени. Это означало, что к концу XVIII века численность 7,5 миллионов коренных жителей достигла бы того уровня, на котором она должна была находиться до завоевания¹⁸.

Еще один из ключевых моментов черной легенды – уничтожение доколумбовых культур, особенно сложный вопрос, о котором мы можем дать лишь краткие указания. Когда испанцы прибыли в Америку, там проживало бесчисленное множество народов; только в Центральной Америке, по оценкам, говорилось примерно на 300 языках. Между ними не было единства. Существовали великие культуры, такие как инки, ацтеки или майя. Были вторжения одних народов против других, войны большего или меньшего масштаба и т. д. Другими словами, американский континент не был мирным раем, где царили гармония и благополучие, это было место, населенное людьми, с теми же проблемами, противостояниями и войнами, которые существовали в других частях планеты, начиная с самой Европы.

Правда в том, что изучение вопросов, связанных с завоеванием Америки и присутствием Испании в ней – всё это рассматривается с моральной точки зрения, но которая сфокусирована (для последующего осуждения) лишь на тех событиях Испанской глобализации – что произошли с самого начала появления испанцев на Американском континенте, т.е. которые не выходят за рамки первых лет завоевания; и что замалчивает и/или скрывает то, что произошло потом – как будто процесс завоевания растянулся на века, в течение которых длилось испанское присутствие в Америке. Поскольку тема очень сложная, мы упомянем, хотя и в самом общем виде, некоторые данные, касающиеся завоевания империи ацтеков Эрнаном Кортесом – как прототип того, что происходило в других местах.

Процесс завоевания империи “мексика” (на самом деле «ацтеки» – это более позднее название, данное испанцами) длился с 1518 по 1521 год, когда Эрнан Кортес, имея армию численностью не более 2.000 человек, одержал победу над армией в 200.000 человек и взял город Теночтитлан. Это не было беспрецедентным подвигом, ведь остальная часть испанской армии,

---

¹⁸ Гумбольдт написал две работы об Испанской Америке: «Политический очерк о королевстве Новая Испания» (1811) и «Политический очерк об острове Куба» (1814–1825). Приведенные здесь данные взяты из Minguet, Charles: “La América de Humboldt”, Boletín AEPPE, nº 10 https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/pdf/boletin_10_06_74/boletin_10_06_74_07.pdf

состояла из других коренных народов, заключивших с Кортесом договор о разгроме империи ацтеков. Завоевание империи ацтеков стало результатом сочетания военных действий и дипломатии. Если бы не пакты и союзы со многими коренными народами, империя ацтеков не пала бы перед испанцами.

В регионе проживали многочисленные этнические группы. Когда испанцы прибыли в Северную и Центральную Америку, в регионе господствовал тройственный союз мексикки (ацтеков) и жителей Тескоко и Тлакопана, которые держали в подчинении своих ближайших соседей. Среди этих соседей выделялись тлакскаланы и майя, которых ацтекам не удалось покорить. Тлакскаланы были относительно независимы, но вынуждены были отдавать пленников на ритуальное жертвоприношение. Что касается майя, то к моменту прихода испанцев их культура уже находилась в упадке.

После первоначальной конфронтации с тлакскаланцами Кортесу удалось заключить с ними договор, и с тех пор они стали верными союзниками испанской короны. В союзниках также были народы чемпоала, куиауицтлан, тескоко, чалько, ксочимилько, аскапотсалько и микшик, среди других. В целом соотношение в испанских рядах составляло от 10 до 15 местных на каждого испанского солдата.

В обществе ацтеков были воины и жрецы, а также крестьяне, ремесленники, что-то похожее на крепостных в Европе, и «тлакотли», или рабы, которых можно было продать на рынке. Это были военнопленные, преступники или люди, продавшие себя. Другими словами, рабство уже существовало в доколумбовой Америке, его не завезли испанцы. Более того, этих рабов можно было откармливать, чтобы потом съесть¹⁹.

Каннибализм практиковали многие народы доколумбовой Америки, и этот факт подтвержден археологическими исследованиями и реконструкциями антропологов и этнологов разных эпох и национальностей. Карибы, например, не только господствовали над небольшими племенами Венесуэлы, но и держали в фактическом рабстве коренные народы Антильских островов. Дошло до того, что 23 марта 1493 года испанские короли были удивлены письмом Христофора Колумба, в котором говорилось, что индейцы таино, жители Багамских островов, просят испанцев о помощи в борьбе со зверствами карибов. Это отрывок из письма врача Диего Альвареса де Чанка, который сопровождал Колумба во время его второго путешествия в Америку в 1494 году:

---

¹⁹ Enkvist, I., Ribes Iborra, V. (2021): *La conquista de América. España y el Nuevo Mundo*, Madrid, Cátedra PAGINA.

Обычаи этих жителей Карибского бассейна зверские: есть три острова (...) Эти люди перебираются на другие острова, привозят с собой женщин, особенно молодых и красивых, которых они держат у себя в качестве любовниц (...) Эти женщины говорят, что они применяют жестокость, которая кажется невероятной: что детей, которые у них есть с ними, они съедают, что они воспитывают только тех, кого имеют со своими собственными женщинами. Мужчин, которых им удается захватить живыми, они увозят в свои дома, чтобы зарезать, а тех, кого находят мертвыми, съедают. Они говорят, что человеческая плоть настолько хороша, что в мире нет ничего подобного; и это похоже на правду, потому что кости, которые мы нашли в этих домах, все, что можно было разгрызть, были разгрызены, и в них не было ничего, кроме того, что было слишком твердым, чтобы быть съеденным. В одном доме нашли шею мужчины, который варился в кастрюле. Мальчикам, которых они ловят, они отрезают члены и используют их до тех пор, пока они не станут мужчинами. Потом они пируют, убивают их и едят, потому что говорят, что плоть мальчиков и женщин не годится в пищу. Из этих мальчиков трое пошли с нами, все трое с отрезанными членами. (...) На другой день, в полдень, мы увидели еще один остров, не очень большой, (...) индейцы, которых мы везли, сказали нам, что карибы обезлюдили его, и поэтому мы не стали там останавливаться²⁰.

В империи ацтеков вопрос о человеческих жертвоприношениях и каннибализме приобрел особые масштабы. По мнению французских археологов Конрада и Демареста, одной из причин падения империи ацтеков стал религиозный фактор. Основанная на культе солнца, религия ацтеков требовала постоянных человеческих жертвоприношений и как можно большего количества человеческих жертв. В своих завоеваниях ацтеки искали для жертвоприношений не территории, а пленников. Трудно понять масштабы этих жертвоприношений, так как кажется, что на некоторых праздниках в жертву приносились тысячи людей²¹.

Американский антрополог Марвин Харрис отмечает, что существенным вкладом религии ацтеков было не введение человеческих жертвоприношений, а их усовершенствование по деструктивным принципам²². По мнению Харриса, ацтеки превратили человеческие жертвоприношения из случайного побочного продукта в своего рода рутину, когда не проходило и дня без того, чтобы кто-нибудь не был возложен на алтари:

²⁰ Полный текст письма можно прочитать здесь (на испанском языке): 1495-Carta-Relacion-Doctor-Chanca, https://www.academia.edu/33593704/1495_Carta_Relacion_Doctor_Chanca_pdf

²¹ Conrad, G. W. Demarest, A. (1984): *Religions and Empire. The dynamics of Aztec and Inca expansionism*, Cambridge, Cambridge University Press, с 75.

²² Существует множество исследований по этому вопросу. Например, в объемном исследовании об ацтеках, написанном Клединненом, во введении говорится: «Есть одно занятие, за которое „ацтеки“ были печально известны: широкомасштабное убийство людей в ритуальных жертвоприношениях.», Cleddinnen, I (2014): *Aztecs*, Cambridge, Cambridge University Press, с. 3.

(...) Поскольку армии ацтеков были в тысячи раз многочисленнее, они могли захватить тысячи пленников в одном сражении... Массовые жертвоприношения с участием тысяч жертв могли совершаться в честь особых событий²³.

Согласно испанским летописцам, в 1487 году во время посвящения пирамиды Теночтитлана четыре ряда пленников, каждый длиной в три километра, были принесены в жертву командой палачей, которые работали день и ночь в течение четырех дней. Позже демограф Шербурн Кук оценил возможное число жертв в 14.100. По мнению Харриса, эту цифру можно считать преувеличенной, но на площадях ацтекских городов были найдены ряды человеческих черепов, методично расположенных и легко поддающихся подсчету.

Тела жертв, по словам Харриса и согласно хроникам первых испанцев, прибывших в эти места, съедались после принесения в жертву. У них вырывали сердце, а тело сбрасывали вниз по ступеням ступенчатых пирамид, характерных для этой культуры. По словам испанского летописца того времени Диего Дурана, после жертвоприношений «они отмечали большой праздник со множеством танцев, церемоний и каннибализмом»²⁴.

Все части тела использовались так, как если бы они были животными. По мнению Хамера, потребление человеческой плоти было обусловлено выгодой использования ее в качестве источника животного белка при отсутствии других вариантов, как из-за нехватки пищи животного происхождения, так и в связи с ростом населения. В любом случае, не вдаваясь в обсуждение причин, возможно, именно этот факт объясняет добровольный договор многих угнетаемых ацтеками народов с испанцами²⁵.

Более того, система, разработанная империей ацтеков, была саморазрушительной. По мнению Конрада и Демареста, жертвоприношения захваченных воинов сначала позволили ацтекам построить свою империю. Однако их религия превратила их в милитаризованный и кровожадный народ. Кроме того, эта система истощала себя, поскольку для захвата пленных им приходилось уходить все дальше и дальше. У них были трудности с тарасками и майя, а без экспансии не было ни пленников, ни дани своему богу в виде еды. Каста жрецов была недовольна. Мексиканцы начали сомневаться в том, что договор с их богом всегда срабатывал, ведь они больше не всегда одерживали победы. Теночтитланом правила кровожадная

²³ HARRIS, Marvin (2011): *Canibales y reyes. Los orígenes de las culturas*, Madrid, Alianza, с. 105.

²⁴ Там же, с. 108.

²⁵ Hamer, M. (1975): «The Material Basis for Aztec Sacrifice». Artículo: American Anthropological Association, San Francisco.

теократия, объединенная с военной властью. Жрецы с абсолютной властью уничтожали всех, кто выступал против них, включая самого императора, что также объясняет отношения, которые Кортес установил с Моктесумой, последним императором мексиканцев, который понимал эту ситуацию недовольства, что с ним нет его народа, и необходимость действовать. Кортес впервые прибыл в 1519 году, в течение трех лет сражений и противостояния, но также дипломатии и пактов, объединил местные власти с испанскими.

Империя инков, завоеванная позже Франсиско Писарро, в некоторых отношениях была похожим процессом. Инки не были антропофагами, но они держали в подчинении множество других народов, которые также заключили с испанцами пакты о противостоянии инкам. В случае с завоеванием империи инков число испанцев было еще меньше. В решающей схватке в Кахамарке между инками и испанцами в 1523 году Франсиско Писарро имел 190 человек, в то время как армия инков насчитывала около 30.000. За несколько лет до этого инки были втянуты в братоубийственную войну между Атауальпой, последним императором, и его братом Уаскаром. Недавний внутренний конфликт был очень заметен, и пакты и дипломатическая работа помогли не меньше или даже больше, чем испанское огнестрельное оружие.

Сразу же после победы над империями ацтеков и инков начался процесс скрещивания и слияния, в котором приняли участие и местные правящие классы, слившиеся с испанцами. В качестве наглядного доказательства этого слияния можно привести тот факт, что в королевском дворце в Мадриде рядом со скульптурами всех королей Испании, украшающими фасад здания, стоят статуи последнего императора инков Атауальпы и последнего императора ацтеков Моктесумы. Эта идея принадлежит отцу Сармьенто в эпоху Просвещения, и ее цель – показать, что доколумбовы народы также занимают свое место наряду с остальными испанскими королями и являются неотъемлемой частью истории Испании.

Американская территория никогда не считалась колонией Испании так же, как колонии других европейских стран. Не все империи функционировали одинаково на протяжении всей истории. Римская империя не была такой же, как Британская империя в Северной Америке или Бельгийская империя в Конго. Есть империи, такие как империя Александра Македонского, Римская, Испанская, а также Российская, целью которых было поставить общества и народы, вошедшие в их состав, на тот же уровень, что и государство, на основе которого возникла империя: были созданы города, инфраструктура, услуги, культурные институты и т. д.

Такие империи, как английская, бельгийская или французская, не занимались саморазмножением (самовоспроизведением) своего населения, а ограничивались созданием фабрик и портов в местах добычи ресурсов, используя рабский труд для осуществления деятельности, экономически выгодной только для метрополии. Напротив, территория испанской Америки была в итоге разделена на четыре вице-королевства. Вице-король был альтер-эго короля и обладал огромной автономией, власть которого могла быть отменена только физическим присутствием короля, чего на американском континенте никогда не было. Они были государственными служащими, и хотя первоначально должность была пожизненной, позже ее срок сократили. В конце службы, вице-короли должны были пройти испытание резиденцией – процесс, в ходе которого оценивалась их работа на посту и население могло осудить наместника, если он превышал свои полномочия или злоупотреблял ими. Наказания варьировались от штрафов до тюремного заключения.

Вице-короли отвечали за пресечение злоупотреблений конкистадоров, которые действительно имели место, особенно в первые годы, и за соблюдение законов, диктуемых из Испании, прежде всего самими испанцами, поддерживаемыми авторитетом католической церкви. Грабежам и злоупотреблениям, существовавшим вначале, пришел конец в середине XVI века с учреждением этих вице-королевств (всего их было четыре), и началась эпоха вице-королевства.

Этот вопрос сегодня подвергается пересмотру среди историков, но испанская монархия была составной или полицентричной, с относительной автономией для каждого из ее центров. Как отмечает Юн Касаллилья, Испанская империя была чем-то сродни скелету со стратегическими артериями и анклавами с собственными программами переговоров, что делало их очень гибкими образованиями. Эти пункты могли получить определенную автономию от центра. Этот составной или полицентричный характер испанской монархии в долгосрочной перспективе был ее главной силой, но также и главной слабостью из-за сложного внутреннего баланса, который приходилось поддерживать между периферийными территориями и полуостровом²⁶.

Одним словом, американские территории не были структурированы и организованы исключительно для поставок товаров в метрополию, а были устроены так же, как и остальные

---

²⁶ Yun Casalilla, B. (2019): *Los imperios ibéricos y la globalización de Europa*, Barcelona, Galaxia Gutenberg, с. 332-333.

провинции и города Испании. У них была та же администрация, города строились по тому же образцу, школы, больницы, церкви и т. д. Они облагались одинаковыми налогами.

Что касается налогов и золота, которое якобы украли испанцы, то мексиканский историк Хуан Мигель Зунсунегу, согласно данным Национального банка Мексики, утверждает, что за время испанского присутствия в Мексике было добыто лишь 7% золота, добытого в Мексике до 2020 года. Из этих 7% только 20% попали в Испанию в виде налогов. Остальное оставалось в Америке.

По всей Испанской Америке был введен налог, называемый «quinto real», который составлял 20% от металлических богатств, полученных в провинциях, на которые была разделена американская территория. Этот quinto real оставался там для финансирования всей американской инфраструктуры. Правда, со сменой династии и приходом Бурбонов налог был снижен до 10 %, а затем до 8 %.

С помощью этих налогов:

- Было основано более 700 городов со всей их инфраструктурой, дорогами, акведуками и т.д. Сегодня многие из этих городов являются объектами Всемирного наследия за их историческую архитектурную ценность. По словам японского историка Ютака Судзуки, Испания оставила в общей сложности 52 исторических и архитектурных объекта, на сегодня признанные объектами Всемирного наследия. Если добавить 41 объект на материковой части Испании, то Испания станет страной мира, построившей наибольшее количество таких архитектурных ансамблей, обогнав даже Италию, у которой их 49²⁷.
- Было основано более 20 университетов. Первый – в 1538 году. В них могли учиться все жители. Существовали факультеты языков коренных народов, поскольку испанские миссионеры были обязаны знать эти языки, чтобы проповедовать, что позволило сохранить многие из них. Испанский язык никогда не навязывался населению. В университетах и колледжах могли учиться не только испанцы, но и коренное население. В 1648 году в колледже Сан-Пабло в Лиме обучалось 600 выпускников разного происхождения. Для сравнения, первый университет в Бразилии был основан в 1912 году. В Коллегио де Санта-Крус, основанном в 1533 году в Тлателолко с целью подготовки молодых коренных мужчин к священству – здесь использовались три языка: испанский, науатль и латынь. Первая грамматика науатля была написана Андресом де Ольмосом в 1547 году. Помимо этой

²⁷ Yutaka Suzuki: “El imperio español versus el imperio británico”, Revista de historia, 2019, <https://revistadehistoria.es/el-imperio-espanol-vs-el-imperio-britanico/>

грамматики, испанцы создали грамматики языков отоми, луле, тонокоте, майя, аймара, кечуа, какчике и гватемальского. Правда, разные монархи колебались между поддержкой или ограничением использования других языков, кроме испанского. В любом случае, испанский язык никогда не навязывался населению; его изучение было добровольным.

Испания следовала модели Римской империи в Америке, воспроизводя себя, и систематически проводила цивилизационную работу, которая интегрировала коренное население, и не исключала его из общей жизни. Это был метод интеграции и смешения, который благоприятствовал аккультурации коренного населения, внедрению европейских знаний и промышленности, способствовал образованию и сохранению родных языков и обычаев, если они не противоречили христианской морали.

Напротив, в Северной Америке Англия провела трансплантацию собственного, но с уничтожив коренного индейского населения; Испания же создала трансплантат самой себя в амальгаме живых культур. Метод английских колонизаторов был сегрегационным, индейцев сгоняли с их земель, а в случае сопротивления истребляли, не давая им возможности пользоваться преимуществами цивилизации, из которой пришли колонизаторы.

Следует отметить, что ни одно завоевание, колонизация или территориальная экспансия, в любом месте и на протяжении всей мировой истории – все они не проходили без пролития крови, жертв и причинения страданий захваченному населению. Однако, даже исходя из этой общей и одинаковой жестокости, интеллектуалы всех направлений настаивают на том, чтобы отличать Испанию от других европейских держав, поскольку она (якобы) была особенно жестокой и разрушительной; а ведь исторические документы свидетельствуют об обратном.

Поначалу англичане руководствовались доктриной учений и трудов испанских авторов XVI века, но со временем они отказались от этих идей в пользу философии захвата американских земель, основанной исключительно на экономических критериях, связанных с владением землей и ее рациональным использованием. Не было оживленных и продолжительных дебатов о законности завоевания других территорий, поскольку в качестве ориентира была принята меркантильная перспектива, которая привела бы к сочетанию торговых и политических целей²⁸.

---

²⁸ Muñoz Machado, S. (2019): *Civilizar o exterminar a los bárbaros*. Planeta, Barcelona, c. 14.

Это подводит нас к другому вопросу, возможно, самому важному для понимания того, как Испания XVI века пыталась справиться с происходившей тогда грандиозной встречей с другими народами и цивилизациями. Сам процесс завоевания вызвал массу возражений у испанских теологов, юристов и философов. В основе этих споров лежит идея о существовании человеческой расы, которая подчиняется естественным и универсальным законам. Вопрос заключался в том, известны ли эти универсальные законы каждому человеку, нужно ли их передавать, если они не известны, и как это сделать. Основной вопрос заключается в том, существует ли общий фундамент, который должен соблюдать каждый человек, в чем он состоит и как обеспечить его соблюдение. Эти размышления того времени стали прелюдией к тому, что впоследствии станет правами человека, а также к рождению международного права.

3. Рождение международного права и прелюдия к правам человека.

Законы, принятые Испанией в XVI веке для управления новыми территориями Америки, являются сильным аргументом в пользу их не хищнического характера по сравнению с другими формами европейского колониализма. Правда, как уже говорилось выше, первоначальным толчком к принятию этих законов послужили жалобы католических миссионеров испанским королям на поведение и злоупотребления первых завоевателей по отношению к коренным жителям Америки. Иными словами, испанцы не были белыми и пушистыми, но короли могли прислушиваться или не прислушиваться к миссионерам в зависимости от своих интересов и типа предприятия, которое они собирались осуществить в Америке. Когда они прислушивались к поднимаемым религиозным вопросам, то это происходило по причине (даже и частичного) совпадения намерений испанских монархов и миссионеров.

Об этих намерениях говорится уже в завещании Изабеллы Католической, которая поверила в плавание Колумба и финансировала его в 1504 году: «...не позволяйте наносить индейцам, соседям и жителям Индий какой-либо ущерб их личности или имуществу, а наоборот, пусть с ними обращаются хорошо и справедливо, а если они получили какой-либо ущерб, пусть исправят его»²⁹.

По словам Энквиста, несправедливости, допущенные испанцами в первые годы, были серьезными до середины XVI века, но затем быстро исчезли благодаря отправке королевских

---

²⁹ Испанцы того времени и долгие годы после называли жителей американского континента индейцами, потому что первоначальная идея путешествия Колумба заключалась в том, чтобы достичь Индии, и они думали, что достигли места, близкого к Индии.

и церковных чиновников и, прежде всего, своду законов, продиктованных для пресечения всех злоупотреблений. Установился так называемый «рах hispanica» (испанский мир) – период мира на всем континенте, который продолжался в течение трех столетий, пока сохранялась система вице-королевств³⁰.

Испанцы первыми в Европе столкнулись с другими формами цивилизации, что поначалу привело их в недоумение. Реакция на это столкновение ознаменовала рождение международного публичного права и права наций. Шестнадцатый и семнадцатый века в Испании были плодотворными не только в искусстве – вспомните Сервантеса, Кальдерона и Веласкеса, – но и в философской и правовой мысли.

Испанская школа Саламанки, самая значительная философская школа того времени, стремилась вернуться к Фоме Аквинскому, чтобы противостоять номинализму Оккама и протестантской Реформации. Они преуспели в прикладной философии, особенно в международном праве, мотивированном проблемами колонизации Америки, а также в экономике, причем настолько, что лауреат Нобелевской премии экономист Фридрих Хайек заявил в 1979 году, что теорию конкурентного рынка изобрели не кальвинисты, а испанские иезуиты XVI века.

Франсиско де Витория (1483–1546), основатель этой школы, первым предложил существование международного сообщества, первым поставил под сомнение законность завоевания Америки и выдвинул принцип свободного общения между народами как естественное право. Благодаря использованным им аргументам его считают отцом международного права, хотя в народе это приписывают Гуго Гроцию, автору, на которого повлиял Витория. Он первым заговорил о существовании «totus orbis» – того, что мы сегодня называем «международным сообществом». Как бы то ни было, его мысль, возможно, не была хорошо понята, потому что он, кажется, думает о правовой системе, центром которой является не государство, а человек.

Витория возвращает стоическую идею морального и юридического единства Вселенной, мир – это конкретное юридическое сообщество, объединенное естественным правом, которое должно регулировать отношения людей и государств. Существует естественное право, общее

---

³⁰ Enkvist, I., Ribes Iborra, V. (2021): *La conquista de América. España y el Nuevo Mundo*, цит. соч., с. 106.

для всех народов. Это также влечет за собой новое прочтение томистской теории естественного права.

Для Фомы Аквинского любой закон является законом, если он имеет рациональное содержание, способствует всеобщему благу и исходит от компетентной власти. Вечный закон – это рациональная модель, в соответствии с которой Бог управляет Вселенной. Этот божественный план или закон по-разному проявляется в различных плоскостях реальности в зависимости от сущностной природы соответствующих существ. Например, в физических существах, материальных и неодушевленных, вечный закон принимает форму того, что мы сегодня называем физическими законами (например, всеобщее тяготение). Тело не может свободно выбирать, подчиняться ему гравитации или нет. В биологической сфере этот закон проявляется в том, что мы называем «биологическими законами», которые святой Фома называет законом инстинкта. Живые существа сотрудничают с божественным планом, следуя своим инстинктам самосохранения, питания и размножения.

В человеческом существе есть несколько слоев, но сущностная природа человека обладает двумя уникальными чертами: разумом и свободой. По этой причине вечный или естественный закон проявляется как нравственный закон. Это означает, что его можно не соблюдать, что человек может помочь или помешать божественному замыслу. Бог, будучи свободным и разумным, делает человека добровольным и сознательным соучастником божественного замысла, хотя человек своими действиями может отказаться от сотрудничества с этим замыслом.

Для Фомы Аквинского, вслед за Аристотелем, хорошие поступки – это те, которые способствуют полной реализации человеческой природы. В этой человеческой природе Фома видит три основные тенденции: самосохранение, продолжение рода, а также более специфическую тенденцию к познанию божественных истин и жизни в обществе. Поскольку этот естественный закон является объективным, но слишком общим, необходимы человеческие законы, чтобы спроецировать естественный закон на конкретные обстоятельства. Человеческие обычаи и законы, регулирующие жизнь в обществе, будут справедливыми только в том случае, если они соблюдают этот естественный закон.

Витория исходит из аристотелевско-томистской традиции и гуманизма эпохи Возрождения и развивает их, утверждая, что *человек по своей природе социален, но нуждается в законах*. Государственная власть зависит от естественного права, и поэтому у языческих народов, поскольку они также обладают человеческой природой, есть подлинные и легитимные

государства и правители. Витория выступал против всех средневековых идей, наделявших папу универсальной властью, поскольку если у Христа не было мирской власти, то и у папы не должно быть. Он также отвергал универсальный суверенитет любого императора, поскольку временная (политическая) власть должна находиться под знаком разнообразия. Если закон, обычай или ритуал противоречит естественному закону, его нужно пресекать, но не потому, что эти люди не знают Христа, а потому, что они не уважают естественный закон. Проблема заключается в том, когда нарушение естественного права носит социокультурный и систематический характер.

Для этих богословов и по отношению к коренным народам если и можно говорить о неполноценности, то только культурной и исторической, а не природной. Колонизация может иметь только опекунскую и педагогическую цель, она должна проводиться для блага и пользы всех, а не только испанцев. Иными словами, такой подход в принципе предполагает будущую независимость и автономию всех завоеванных территорий.

Исходя из этих кратко изложенных теоретических предпосылок и в качестве примера практической проекции этих размышлений – вот некоторые из законов, которые были продиктованы Америке Испанией³¹:

Законы Бургоса от 27 декабря 1512 года устанавливают, что индейцы не должны подвергаться физическому или словесному насилию по любой причине, что дети до 14 лет не могут работать, а беременные женщины не должны работать, признавая право не работать до 3 лет после рождения ребенка, чтобы облегчить грудное вскармливание (статьи 18, 24).

Так называемые «Новые законы» от 20 ноября 1542 года устанавливали, что индейцы не должны становиться рабами ни при каких обстоятельствах, а те, кто был ими ранее, должны быть освобождены (статья 23).

Закон VI Инструктивного указа 1593 года, подписанного королем Филиппом II, устанавливает 8-часовой рабочий день: «Все рабочие в укреплениях и на заводах должны работать восемь часов в день, четыре утром и четыре после обеда; часы должны быть распределены инженерами в соответствии с наиболее удобным временем, чтобы избавить рабочих от палящего солнца и позволить им заботиться о своем здоровье и сохранении, не нарушая своих

---

³¹ Надо сказать, что контроль за соблюдением правил был сопряжен с серьезными проблемами из-за сложности и медлительности связи между двумя берегами Атлантического океана. Путешествие в Америку занимало 13 недель в одну сторону и 18 недель обратно. Затем была связь внутри самого континента. Постепенно была создана дорожная инфраструктура, но изначально ее не существовало. Сохранились документы некоторых испанских эмигрантов, которые утверждали, что чувствовали глубокую разлуку с Испанией, потому что могли до года и больше не получать никаких новостей с полуострова.

обязанностей». Этот же закон был применен в Америке к индейцам, сократив рабочий день до 7 часов для тех, кто работал в шахтах (Третья книга законов Индий, закон VI).

В сборнике законов, известном как «Законы Индий», опубликованном в 1680 году королем Карлом II, в книге VI, в частности, говорится следующее:

Закон II: индейцы должны иметь возможность свободно вступать в брак, ничто не должно препятствовать бракам между индейцами и испанцами и все должны быть свободны в браке.

Следует отметить, что межрасовые браки были одобрены 14 января 1514 года королевским указом католических монархов. По мнению католических монархов, они были «законными и рекомендуемыми, поскольку индейцы являются свободными вассалами испанской короны». В Соединенных Штатах Америки такой закон был принят в 1967 году.

- Закон III: запрещает браки с индианками, не достигшими совершеннолетия, поскольку это «оскорбляет Бога, вредит здоровью и препятствует рождаемости».

- Закон VI: запрещает индейцам продавать своих дочерей для замужества, поскольку браки заключаются в условиях свободы.

- Закон VIII: устанавливает, что индианки, имеющие детей от испанцев, могут приехать с ними в Испанию и сменить место жительства.

- Закон XVIII: устанавливает по возможности создавать школы кастильского языка, чтобы индейцы, добровольно желающие его изучать, могли его выучить.

- Закон XXX: инквизиторам запрещено выступать против индейцев и их колдунов.

Нынешний папа Франциско, еще не став папой, в 1973 году высказался об Испании следующим образом: «Нас выковала Испания, которая ослепила нас своими индейскими законами, своими правилами, миссионерской совестью женщины, которую история назвала Исабель Католической, той самой женщины, которая заставила Колумба вернуть индейцев, привезенных им в Европу, потому что никто не обращался так с ее вассалами.

Мы – дети великой совести. Потому что деятельность Испании на американском континенте была не просто завоеванием, а миссией. Миссия испанского народа, который отдал этим землям все лучшее, что у него было: свою культуру и веру. Миссия завоевателей, которые в течение 50 лет путешествовали пешком по этому континенту, основывая города и без страха

смешиваясь с индейцами. (...) Семена были посеяны: непоколебимая вера в сердце истории, стремление к достоинству и справедливости, блестящая доктрина народного суверенитета»³².

Согласно Марсело Гулло, если бы Испания проводила ту же политику, что и Англия в Северной Америке, и где главной служила установка: *лучший индеец – это мертвый индеец*; т.е. когда результатом бы стало убийство и ликвидация практически всех индейцев, а тех, кого нельзя было убить, заперли бы в резервациях – то тогда Черной легенды бы не существовало. Потому что *черная легенда* Испании – это фактически атака на католицизм. Новая буржуазия, родившаяся вместе с протестантской Реформацией, нуждалась в уничтожении католицизма – как своего прямого оппонента, не просто критикующего; но поскольку католицизм (и, на его основе, все общество) реально осуществляло более высокое (в сложности) и справедливое социокультурное строительство.

Протестантская реформация расколола западное христианство надвое: и протестанты стали называть себя западниками, так они сохранили прилагательное, но при этом потеряли суть; как и, сохранив форму, снова упустили суть. В результате получился ложный Запад: который заинтересован (в) и любит свободу; но неумолимо расстается со справедливостью. *Черная легенда* была активно использована Англией для оправдания своего империализма. Тогда как Испания принесла в Америку католицизм; но, доставив сюда католицизм, она в то же время принесла в Америку и истинный Запад. В свою очередь, после протестантской Реформации появился ложный Запад, отказавшийся от своих ценностей.

Черная легенда – одна из основ индигенизма в Америке и движений за независимость, особенно каталонского, в Испании, которые стремятся еще больше раздробить Испанию и отделить испаноязычных американцев друг от друга.

Как отмечает Хантингтон в вышеупомянутой книге *«Кто мы»*, волна испаноязычных иммигрантов и распространение испанского языка в США знаменуют собой тенденцию к «испанизации» американского общества. Проблема этой иммиграции заключается в том, что она более устойчива к аккультурации, чем иммигранты из других регионов, поскольку родители стремятся к тому, чтобы их дети говорили по-испански и сохраняли свои обычаи и традиции, поскольку видят в этом источник гордости. Если не остановить продвижение латиноамериканцев, США превратятся в страну с двумя языками, английским и испанским, и

---

³² Прочитано в Gullo Omodeo, M (2022): *Nada por lo que pedir perdón. La importancia del legado español frente a las atrocidades cometidas por los enemigos de España*, Barcelona, Espasa, с. 348.

двумя культурами, англосаксонской протестантской и испано-католической³³. Англосаксонский Запад категорически не заинтересован в том, чтобы испаноязычный мир осознал или вновь осознал свои оригинальные основания и цели, полагаемые «естественным законом» в существование их уникальное мировоззрения.

4. Китай и Испанская, первая в мире, глобализация

Еще один аспект, в котором можно увидеть разницу между первой версией Запада и современным Западом, заключается в историческом феномене, который все еще требует точного и детального изучения. Речь идет о первой глобализации в современном понимании этого термина, то есть о существовании глобальных торговых сетей, судоходных линий, интегрированных финансовых рынков, культурных обменов и перемещений населения. Важнейшими глобальными городами и коммерческими центрами мира в рассматриваемый исторический период были Мехико и Манила на Филиппинских островах – оба города принадлежали вице-королю Новой Испании.

Испания создала первую торговую сеть, соединившую Азию, Европу, Америку и Африку, бесперебойно осуществляя торговые рейсы до 1815 года. Финансовые рынки были связаны американским серебром, и столетие спустя был создан «real de a ocho», также известен как испанский песо, первая в истории мировая валюта, на основе которой был создан доллар США.

Во время первой глобализации Китай, как и сейчас, был ведущим мировым производителем и самым конкурентоспособным как по цене, так и по непревзойденному качеству своей продукции. Хотя были и напряженные моменты, первая глобализация показывает, что с политической и экономической точки зрения она была более сбалансированной и всеохватывающей, чем современная глобализация. Так было с самого начала, поскольку король Филипп II настаивал на том, что отношения с азиатским гигантом всегда должны быть основаны на уважении, дружбе, сотрудничестве и взаимной выгоде. Это первоначальное намерение сохранилось до конца.

Сегодня этот вопрос особенно актуален, поскольку Китай вернулся в Латинскую Америку с инвестиционными и кооперационными проектами. Но эти отношения не новы, поскольку в

---

³³ Huntington, S.: Цит. соч., с. 259–265. В настоящее время в США насчитывается 62 миллиона испаноговорящих, что является вторым показателем в мире по количеству носителей испанского языка после Мексики и впереди самой Испании.

эмбриональной форме они уже существовали в китайско-испанско-американской торговле XVI и XVII веков³⁴.

Правда в том, что современный Китай не вписывается в англо-американский нарратив. В то время испанская монархия понимала, что любые возможные торговые отношения с Китаем должны строиться на взаимном уважении и позволять ему следовать своему собственному пути; здесь считались бесполезными как применение силы, так и настойчивые уговоры. Таким образом, испанский Серебряный путь – это пример глобализации без конвергенции и без вооруженного конфликта; когда две стороны интегрируются, но остаются при этом независимыми.

Серебряный путь или Манильский галеон демонстрируют исторический пример взаимоотношений Востока и Запада – которые не сходятся, но и не отталкиваются, при этом достигая взаимопонимания; как и им удастся поддерживать сложный баланс сотрудничества и взаимной выгоды. По словам Чжу Банцзао (*Zhū Bāngzào*), посла Китая в Испании – и Китай, и Испания обладают широкой интегрирующей культурой. История должна быть зеркалом, чтобы понять настоящее. Между Китаем и Испанией существует традиция взаимного уважения в политической сфере, сотрудничества и устремленности к совместным достижениям в экономической и торговой сферах, как и использования опыта друг друга в культурной сфере и совместном продвижения к общим благотворным целям³⁵.

Следует отметить, что глобализация сложилась не как изначальная цель испанской политики, но как ее следствие. Достижение Востока через Запад было конечной целью Испании с самого начала. Именно с этой целью католические монархи финансировали путешествие Колумба: найти альтернативные пути для торговли с Востоком. Но во время своего путешествия Колумб столкнулся с Америкой, и это все изменило. Католицизм шел рука об руку со всем этим процессом. Не только потому, что папа Александр VI даровал испанским королям право на владение открытыми землями в обмен на распространение в них католицизма. А потому, что концептуальной основой испанской политики был католицизм.

Процесс соединения испанской монархии с Азией, в частности с Китаем, практически не изучен. Экономическая революция, которую активность Испании вызвала в то время, была либо забыта, либо не исследована. Возможно, причина в том: что когда произошла смена

³⁴ Gordon, P.; Morales, J. (2017): *La plata y el Pacífico. China, Hispanoamérica y el nacimiento de la globalización*, Madrid, Siruela, p. 106.

³⁵ Zahng Kai: *Historia de las relaciones sino-españolas*. Ed Popular, Madrid, 2012, с. 11-12.

генерального вектора, т.е. сдвиг власти на Западе от католического средиземноморского юга к протестантскому северу – то этот сдвиг имел теологический подтекст; поскольку глобальная экономика постепенно оказалась связанной с промышленной революцией и перешла под управление протестантских стран, особенно Англии и США, а также и других европейских колониальных держав.

Тот факт, что первая экономическая глобализация относится к XVI веку, а не к XVIII или XIX векам – т.е. что она протекала до либеральных революций в Европе; и что зародилась между Азией и Америкой под иберийским (испанским и португальским), а не англосаксонским суверенитетом, – на сегодня это забытая глава истории; но которая срочно требует своей реабилитации, чтобы помочь понять новую конфигурацию международного порядка, где Китай вернул себе присущее место мировой сверхдержавы.

В 1521 году Магеллан достиг Филиппинских островов (названных в честь испанского короля Филиппа II). Тем не менее, испанцев интересовало также и возвращение из Азии через Тихий океан. Круговой путь в Америку от Филиппинских островов был совершен только в 1565 году, благодаря Андресу де Урданете, после десятилетий неудач и кораблекрушений.

В то время Китай был ведущим мировым производителем, но ему требовалось серебро, чтобы использовать его в своей валюте. Испанцы как раз занимались налаживанием торговых отношений и поиском выгодных предложений для Китая. В этом русле последовала инициатива от вице-короля Новой Испании Мартина Энрикеса, который в письме, написанном в 1572 году королю Филиппу II, объяснил, что у Китая есть абсолютно все, в большом количестве и высокого качества, и единственное, что может быть интересно – это серебро для изготовления валюты, и попросил у короля разрешения на его экспорт.

Маршрут манильского галеона был открыт первым рейсом с китайскими товарами, который вышел из Манилы 1 июля 1573 года и прибыл в Акапулько в Мексике (тогдашнее вице-королевство Новая Испания) пять месяцев спустя, 15 ноября. Товары далее были перевезены в Веракрус на побережье Атлантического океана, чтобы затем отправиться в Испанию. Именно этот маршрут использовался впоследствии на протяжении 200 лет. После прибытия в Акапулько и выгрузки товаров галеон был загружен серебром из Мексики и Перу и вернулся в Китай через Тихий океан, совершив 3-месячное плавание.

С коммерческой точки зрения путешествие было сложным, поскольку многие корабли терпели крушение в Тихом океане, а купцов, готовых пойти на такой риск, было немного. Инициатива,

решившая эту проблему, была в очередной раз предложена мексиканским вице-королем королю Филиппу II: испанская корона должна была взять на себя создание инфраструктуры, обеспечивающей стабильность перевозок, предоставляя корабли и гарантируя безопасность маршрутов от грабительских пиратов (в основном британских и голландских). Другими словами, здесь были произведены государственные меры, организованные на обеспечение свободной торговли. Король Филипп II принял это предложение, и именно испанская корона предоставила галеоны, которые сопровождались военным флотом на всех маршрутах, особенно на маршруте перевозки серебра в Китай, который подвергался наибольшим нападениям пиратов.

Американское серебро и испанская чеканка стали первой международной валютой, использовавшейся в Китае. Китай не принимал никакой другой валюты за свои товары. В результате, британская Ост-Индская компания, основанная в 1601 году, вынуждена была годами оплачивать свои покупки испанской валютой, поскольку ее собственная валюта не принималась. Таким образом, Китай стал одним из главных экономических партнеров испанской монархии.

До появления британского фунта стерлингов и доллара США, испанский “real de a ocho” был первой валютой, ставшей интернациональной в современной истории. Эта валюта, изготовленная в основном из американского серебра, оставалась одной из самых конкурентоспособных валют в мире вплоть до конца XIX века. Начало конца испанской валюты наступило со времени наполеоновских войн и обретения независимости испанскими провинциями в Америке. Потеря контроля над американскими серебряными рудниками и монетными дворами лишила Испанию возможности производить свой главный экспортный товар³⁶.

Серебряный путь или Манильский галеон ознаменовал собой период, когда торговля между Китаем и Испанской Америкой стала осью торговых путей, соединяющих четыре континента. Именно тогда мир начал интегрироваться через торговые и финансовые сети, что привело к появлению современной глобальной экономики. Этот процесс глобализации также привел к появлению первого «глобального города» – Мехико, мегаполиса с университетами, печатными станками, поэтами и художниками, а также рынками азиатских товаров с азиатскими

---

³⁶ Ruiz Trapero, M. “El real de a ocho: su importancia y trascendencia” p. 370-371 en IV Jornadas científicas sobre Documentación de Castilla e Indias en el s. XVI, Rojo, M. (ed) 2005. <https://webs.ucm.es/centros/cont/descargas/documento11367.pdf>

торговцами и ремесленниками. В этом городе обменивались не только текстилем или фарфором, но и информацией (а также и ‘биологической информацией’ – генами), с четырех континентов. Согласно исследованиям Александра фон Гумбольдта, проведенным им в период до обретения независимости, в его работе *«Политический очерк о королевстве Новая Испания»*, уровень жизни населения этого вице-королевства был одним из лучших в мире, а потребление мяса и качество жизни в целом превосходили показатели многих европейских стран. В частности, в Мехико уровень жизни был выше, чем в Мадриде, столице Испании. Более того, доля Мадрида в ресурсах Америки была ограничена центробежными силами, порожденными глобализацией; и пактами, которые она навязала заинтересованным сторонам.

Значимость Испанской Америки и Китая в предыдущие 250 лет глобальной интеграции: все это далее было затушевано и заменено доминирующим англоязычным повествованием (нарративом) во всем – от экономики до технологий и военной мощи. Манильский галеон почти не упоминается в англосаксонских учебниках истории, как и значимость испанской валюты. Адам Смит открыто упомянул его в *«Богатстве народов»* (1776), но затем почти все упоминания о нем исчезли. Это исчезновение произошло параллельно с установлением глобального англосаксонского господства, сначала английского, а затем американского³⁷.

Маршрут Манильского галеона не пережил независимости Мексики и расчленения вице-королевства Новая Испания. Примерно в то же время Китай оказался втянут в опиумные войны; в результате обе державы потерпели крах. Однако испано-американский исторический контекст может послужить основой для развития отношений Китая с Америкой, поскольку у них общее наследие и общее прошлое.

Этот эпизод также мало известен испанцам, поскольку, как отмечает Рока Барера, одной из ошибок при изучении Испанской империи является европоцентристская и локалистская точка зрения³⁸. Именно вице-король Мексики способствовал развитию глобальной торговли, и Мехико здесь был самым важным городом. Испанская вице-королевская история отвергается как колониальная, но роль Испанской Америки была центральной в исторически *первой* (*фундаментальной* – основополагающей в мировом развитии) глобализации. В обоих случаях, и роль Испанской Америки, и роль европейской Испании – сегодня их важное и неотъемлемое историческое значение оказывается затушеванным и замененным на рассказы об англо-

³⁷ Gordon, P.; Morales, J. (2017): *La plata y el Pacífico. China, Hispanoamérica y el nacimiento de la globalización*, с. 133.

³⁸ Roca Varea E. (2016): *Imperiofobia y leyenda negra. Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español*, Madrid, Siruela, с. 410.

американском господстве. Однако, исторические факты таковы, что в период Испано-Католической глобализации Мексика служила торговым центром мира; а в Акапулько, куда прибыл галеон «Манила», проходила самая престижная в мире торговая ярмарка.

5. Культурное измерение первой глобализации.

Помимо экономической или технической стороны вопроса, особое значение имеют культурные связи и обмены, которые *Серебряный путь (Манильский галеон)* позволил установить между двумя самыми могущественными государствами XVI века – испанской монархией и Китаем эпохи Мин. Торговые контакты с Китаем были установлены Испанией после тщательного изучения и исследования китайской культуры и общества католическими миссионерами из различных религиозных орденов (и не только испанскими, но и итальянскими и португальскими). Здесь религиозный фактор, опять же, влиял на функционирование институтов и был фактором политической стабильности, который также влиял на экономическое поведение.

Религиозные ордена и их миссии были важным фактором и проводником глобализации. Испанская империя способствовала расширению церкви и сети учреждений, таких как монастыри религиозных и миссионерских орденов, которые создали узлы, на которых основывались системы культурного трансфера и гибридизации. Эти сети служили для передачи людей, новостей, книг, способствовали культурной интеграции, распространяли образы и стереотипы³⁹.

Теория, вдохновлявшая испанских миссионеров при контакте с китайской культурой, известна как «политика адаптации», была создана одним из миссионеров, Франсиско Хавьером (1506-1552). В 1542 году Франсиско Хавьер отправился на Восток и посетил разные страны (Индию, Цейлон, Малакку, Японию). Однако он умер, не доехав до Китая. На основе своего опыта он написал ряд практик, которые составляют его политику адаптации. Хотя целью этой политики является обращение в христианство, она демонстрирует уважение и четкое намерение интегрировать и позволить различным культурам жить вместе.

Основополагающим аспектом этой политики является необходимость знать и изучать язык каждого народа, чтобы узнать его культуру, его верования, его форму политической организации и его обычаи. Диалог является основополагающей частью этой политики, которая должна стремиться к согласию и примирению. Кроме того, миссионер должен быть мудрым

---

³⁹ Yun Casalilla, B. (2019): *Los imperios ibéricos y la globalización de Europa*, цит. соч., с. 202.

человеком, обладающим научными знаниями, то есть человеком, которому есть что предложить, в данном случае знания и науку.

Основная идея заключалась в том, чтобы сделать католическую религию известной, уважая при этом самодостаточность и автономию местных жителей. Идея заключалась не в обращении азиатов в европейцев, а в подходе к человеку как к человеческому существу, способному самостоятельно принимать решения о своих действиях, что способствовало межрелигиозному диалогу и взаимопониманию между различными культурами и образами жизни уже в XVI веке.

Эти методы евангелизации использовались также в Америке, а до этого в самой Испании с мусульманским населением королевства Насридов. Всегда использовался местный язык, изучались местные обычаи, а в случае с Китаем также ценилось, чтобы миссионер обладал научными знаниями, поскольку наука понималась как нечто, что можно предложить другому, как доказательство того, что произведено местной культурой.

Одним из миссионеров, приехавших в Китай и установивших с ним культурные контакты, был Мартин де Рада (1533-1578). Стремясь привнести христианство в Китай, он изучил китайский язык и составил первую книгу по китайскому языку, написанную европейцем. Он собрал сотни классических книг на китайском языке по науке и обучению, которые он перевел на Филиппинах. На основе своих контактов и опыта он написал отчет, который считается вполне объективным и фактическим о Китае того времени⁴⁰.

Однако следует отметить, что Рада отстаивал идею вторжения в Китай, как это было сделано в Америке, о чем думали и другие испанские власти, например Мигель Лопес де Легаспи, губернатор Филиппин. Подробные отчеты о Китае, его экономике, богатстве, а также культуре и традициях были отправлены королю Филиппу II с целью убедить его в целесообразности завоевания Китая. Однако испанский монарх, детально изучив вопрос, ответил на него письмом, написанным 29 апреля 1577 года:

Что касается завоевания Китая... нам здесь показалось, что это не очень удобно, но что с ними следует искать доброй дружбы, и что вы не должны сопровождать корсаров, которые являются врагами китайцев, и не должны давать им повода возмущаться против нас [см.: Zahng Kai, 2014, p. 140].

Несмотря на такой ответ, филиппинские власти не отказались от этой идеи, и Филипп II попытался связаться с китайским императором напрямую. С этой целью в 1581 году он

⁴⁰ Zahng Kai (2014): *Historia de las relaciones sino-españolas*, Popular, Madrid, p. 140.

отправил в Китай Хуана Гонсалеса Мендосу. Король продолжал изучать ситуацию, труды и свидетельства миссионеров о Китае. Мендоса не доехал до Китая, но собрал всю возможную информацию о стране и написал книгу *«История самых замечательных вещей, обрядов и обычаев великого королевства Китай»*, которая была переведена на латинский, итальянский, английский и французский языки и считается самой полной книгой о Китае XVI века. В его представлении Китай – это цивилизация, схожая по степени развития с европейской, если не превосходящая ее в некоторых аспектах.

Другой миссионер, Хуан Кобо (1547–1592), осуществил первый перевод китайской книги на испанский и европейский языки в 1590 году. Кобо был уверен, что все, кто не обнаружил сходства между христианством и конфуцианством – подобный результат объясняется тем, что китайская культура была им не понята. Он также написал книгу на китайском языке с изложением догм христианства, чтобы китайцам было легче понять христианство. Эта книга стала первой книгой, написанной на китайском языке за пределами Китая.

Архиепископ Филиппин Доминго де Салазар думал как и Кобо, и послал Филиппу II копию этой книги, подчеркивая рациональность китайской культуры и ее высокую способность к пониманию, а также то, насколько негативным и несправедливым был бы любой акт завоевания или войны против Китая, поскольку это очень высокая и развитая цивилизация, даже если она не является христианской. Все эти сообщения заставили Филиппа II окончательно отвергнуть любую попытку вторжения в Китай⁴¹.

Одной из важнейших фигур этого культурного взаимодействия был Диего де Пантоха (1571–1618). Его политика была похожа на политику Франсиско Хавьера: координация двух цивилизаций, чтобы сделать возможным распространение христианства. Вместе с итальянцем Матео Риччи он создал эффективную систему связи между Китаем и Европой.

Изучив китайскую культуру, он попытался показать, что христианство дополняет конфуцианскую доктрину. Он также использовал свои знания в области математики и астрономии, чтобы привлечь китайских интеллектуалов к западной христианской культуре.

Пантоха продолжал развивать доктрину введения христианства в конфуцианство и представления христианства как дополнения конфуцианской доктрины. Ему удалось достичь запретного города Пекина и преподнести императору, среди прочих подарков, клавесин, на котором он научился играть чтобы научить китайских музыкантов, что он и делал в течение

---

⁴¹ Там же, с. 146.148.

месяца. Он ввел западные знания по астрономии, способствовал пересмотру китайского календаря, ввел методы точных вычислений и помог перевести геометрию Евклида на китайский язык.

Чтобы избежать столкновений между культурами, Пантоха предположил, что существует универсальная идеология для всего человечества, и попытался найти точки соприкосновения между конфуцианством и христианством. Он написал важную работу на китайском языке и еще одну на китайском, в которой представил некоторые элементы западной культуры.

Его творчество и жизнь являются примером диалога, взаимодействия, сотрудничества и сближения между представителями разных религиозных традиций. Также он явил пример уважения к чужим традициям, которое приводит к изменениям в его собственной сущности. В итоге он надел одеяния китайского ученого и обладал обширными знаниями китайских обычаев и вежливости. Как и в случае со многими другими фигурами в истории Испанской империи, значение Пантохи, которое засвидетельствовано в первоисточниках – все это никак не соотносится с его последующим забвением. Современные исследования оказываются сосредоточенными исключительно на итальянце Маттео Риччи. Кроме того, англосаксонская или французская библиография создает искаженное, размытое или отдаленное представление об исторических фактах, связанных с испанским иезуитом⁴².

В этой связи, работы Пантохи остаются практически неизвестными научному миру; поэтому работы китайских исследователей в этой области следует всячески приветствовать. Все его работы, за исключением одной, написаны на китайском языке, которым, судя по всему, он владел в совершенстве для иностранца. Одним словом, Пантоха был предтечей глобализации знаний, учителем музыки в Запретном городе и предтечей современного культурного обмена. Что касается религиозного диалога, то он умел выбирать лексику для обращения к христианскому Богу в зависимости от адресата и контекста.

В качестве краткого вывода, можно сказать, что Серебряный путь или Манильский галеон» и все, что с ним связано, предлагают альтернативные пути к другой глобализации, в которой все стороны интегрированы, но остаются независимыми, основанными на взаимном уважении и

---

⁴² Междисциплинарное исследование Пантохи, проведенное испанскими и китайскими учеными: *Diego de Pantoja y China. Reflexiones sobre las relaciones históricas China y el mundo hispánico*, China Social Science Press, 2021.

https://issuu.com/ayuntamientodevaldemoro/docs/libro_diego_de_pantoja_y_china

взаимной выгоде. По этой причине данная тема требует более глубокого изучения и исследования, чем это было сделано до сих пор.

Заключительные размышления

Современная западная парадигма, в которой доминирует англосаксонская протестантская точка зрения, затрудняет любой диалог о роли избранного народа: поскольку эта роль здесь предопределяется его экономическим успехом; следовательно, и по сей день, глобальный центр принятия решений остается за Соединенными Штатами. Отсюда вытекает необходимость переосмыслить, что такое Запад.

Прежде всего, что следует отметить: в настоящем, мировая жизнь вошла в критический момент – как отмечает в своей последней книге Эммуэль Тодд, мы являемся свидетелями поражения Запада. На глубинном уровне одним из важнейших факторов этого падения является гибель американского протестантизма. По мнению Тодда, симметрично краху протестантизма идет интеллектуальный упадок, массовая жадность, Запад сегодня определяется нигилизмом, стремлением уничтожить все, вещи, людей и саму реальность. Примером тому служит транс-идеология, фиксация среднего класса, которая на самом деле является проблемой ультраменьшинств и стала одним из флагов этого нигилизма. Утвердить в качестве социального горизонта идею о том, что мужчина может стать женщиной, а женщина – мужчиной, значит утвердить нечто биологически невозможное; это значит отрицать реальность мира и утверждать ложное. По мнению Тодда, в отличие от Фукуямы, распад СССР не был концом истории, но, скорее, привел ее в движение, спровоцировал чрезмерную экспансию Запада, который, не найдя противовеса, в итоге уничтожает сам себя⁴³.

Конвульсивный исторический момент, в котором мы живем, требует восстановления, возрождения и развертывания, интегрирующих космовидений, таких как русская, китайская и испаноязычная. В этом смысле концептуальные рамки, предоставляемые *Биокосмологической Инициативой* (БКИ), могут стать важнейшей точкой опоры в решении этой неотложной задачи.

---

⁴³ Todd, E. (2024): *La défaite de l'Occident*, Paris, Galimard.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Гринченко С.Н., Орлов А.И., Хруцкий К.С. (2022): Россия и мир (peace) – перед Органицистским вызовом в преодолении текущего глобального кризиса (системный генезис, наукометрические и (Био)космологические аспекты); в год 200-летия со дня рождения Н.Я. Данилевского // *Biocosmology – neo-Aristotelism* Vol. 12, Nos. 1&2 (Winter/Spring 2022); сс. 37–261.
- Данилевский Н.Я. (2011): *Россия и Европа* / Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. – М., 2011. – 816 с
- Arellano, C. Induráin (eds.) (2012): *St Francis Xavier and the Jesuit Missionary Enterprise. Assimilations between Cultures*, Universidad de Navarra, Pamplona.
- Arnoldson, S. (1960): *La Conquista española según el juicio de la posteridad. Vestigios de la leyenda negra*. Madrid, Ínsula.
- Arnoldson, S. (2018): *Los orígenes de la leyenda negra española*, Sevilla, El Paseo.
- Bicheno, H. (2012): *Elizabeth's Sea Dogs. How the English Became the Scourge of the Seas*, Londres, Conway.
- Clendinnen, I. (2014): *Aztecs*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Conrad G., Demarest, A. (1984): *Religions and Empire. The dynamic of Aztec and Inca Expansionism*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Díaz del Castillo, B. (2011): *Historia verdadera de la conquista de Nueva España*, Edición Real Academia Española, Madrid, Galaxia Gutenberg.
- Enkvist, I. & Ribes Iborra, V. (2021): *La conquista de América. España y el Nuevo Mundo*, Madrid, Cátedra.
- Gordon, P. & Morales, J. (2017): *La plata y el Pacífico. China, Hispanoamérica y el nacimiento de la globalización*.
- Gullo, M. (2021): *Madre Patria: Desmontando la leyenda negra desde Bartolomé de las Casas hasta el separatismo catalán*, Espasa, 2021.
- Gullo, M. (2022): *Nada por lo que pedir perdón: La importancia del legado español frente a las atrocidades cometidas por los enemigos de España*, Barcelona, Espasa, 2022.
- Harris, M. (2011): *Caníbales y reyes. Los orígenes de la cultura*. Madrid, Alianza.
- Huiling Luo (2022): La “política de adaptación” de la compañía de Jesús en dinastía ming: las primeras comunicaciones culturales entre Europa y China”, *Revista de Antropología y Filosofía de lo Sagrado* (Review of Anthropology and Philosophy of the Sacrum), Vol 6. Núm. 1, Enero-Junio (2022) pp.: 51–68.
- Huntington, S. (2004): *¿Quiénes somos? Los desafíos a la identidad nacional estadounidense*, Paidós, México.
- Muñoz Machado, S. (2019): *Civilizar o exterminar a los bárbaros*. Planeta, Barcelona.
- Payne, S. (2011): *Spain, a Unique History*, Wisconsin, University of Wisconsin Press.

- Roca Varea E. (2016): *Imperiofobia y leyenda negra*. Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español, Madrid, Siruela.
- Rubio Mañe J. I. (1983): *El virreinato*, 4 vols, México, FCE.
- Sáez Palazón, E. (2022): *Diego de Pantoja, una experiencia de encuentro multidisciplinar con China*, Tesis doctoral, Universidad de Comillas.
- Taboada Lanza, A (2018) : La compañía de Jesús, clave en el diálogo interreligioso en India, *Razón Y Fe*, 277, pp: 217–227.
- Todd, E. (2024): *La défaite de l'Occident*, Paris, Galimard.
- Varios Autores (2021): *Diego de Pantoja y China. Reflexiones sobre las relaciones históricas China y el mundo hispánico*, China Social Science Press, 2021.
https://issuu.com/ayuntamientodevaldemoro/docs/libro_diego_de_pantoja_y_china
- Yun Casalilla, B. (2019): *Los imperios ibéricos y la globalización de Europa*, Barcelona, Galaxia Gutenberg.
- Zahng Kai (2014): *Historia de las relaciones sino-españolas*, Madrid, Popular.